

“НЕ ЭТОМУ МЕНЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ В КОМСОМОЛЕ УЧИЛИ!”

Марк Соломонович Гольдман, 1932 года рождения, член группы “молодых историков” в Московском государственном университете (1957 год). Осужден в феврале 1958 года Московским городским судом к лишению свободы, без поражения в правах, сроком на 6 (шесть) лет. В настоящее время — редактор информационно-правового отдела газеты “Панорама” (г. Липецк), исполнительный директор Липецкого общества прав человека (ЛОПЧ).

— *Марк Соломонович, я вижу у Вас целую кипу фотографий. Это из той поры?*

— Да, тогдашние. А вот эта, я считаю, уникальная. Из моего уголовного дела. Сделана 5 сентября 1957 года, в первый день ареста. Реликвия... (фото 1)

— *Как же она у Вас очутилась?*

— В 92-м году я написал заявление, чтобы ознакомиться со своим делом. Прислали его из Москвы спецпочтой. Я сидел в местном отделении ФСБ, читал, делал выписки, ну и в последний день попросил на память фотографию. Гебист местный подумал немного и отдал. Возьму, говорит, ответственность на себя. Видимо, наши дела для них теперь ценности не представляют...

А вот подлинник той фотолистовки, за которую, собственно, нас и посадили (фото 2). А это место, за которое, в сущности, я лично получил срок. Видите? Пункт 7 — “Усиление роли советов”. Я предложил его внести. И получил, как я говорю, по 2 года за каждое слово, а всего — шесть лет... Требование это

было желанием восстановить некую форму парламентаризма, но на следствии его изобразили в виде — “за советы без коммунистов”, к чему, конечно, тогда мы не были готовы. Впрочем, и сейчас такое требование бессмысленно. Посмотрите, Дума набита ими.

— *А это, насколько я понимаю, члены вашей группы?*

— Да, но не все. Всего нас было девять человек, семеро сидели вместе, в одном лагере, а на этом фото шестеро. (фото 3)

Вот наш лидер — Лев Краснопевцев, он с 30-го года, сейчас живет в Москве. Это Леня Рендель, друг Левы, он самый старший из нас, с 25-го. Сейчас он уже умер. Талантливый был человек. Это — Семененко Миша. Вот Коля Обушенков, кандидат исторических наук. И это тоже кандидат — Покровский Николай Николаевич. Ну, а это я. И это тоже я... (фото 4)

— *Вы, наверное, боксом занимались?*

— Нет, в основном, гимнастикой. Боксом совсем немножко.

— *Знаете, на этой фотографии Ваше лицо прямо-таки пышет здоровьем и силой!*

— Да... Я старался держать форму. Вот смотрите, это я штангой в лагере занимался. (фото 5)

— *Там можно было заниматься?*

— Свободно.

— *Да... впечатляет. Но вернемся к вашей группе. А кто был седьмым?*

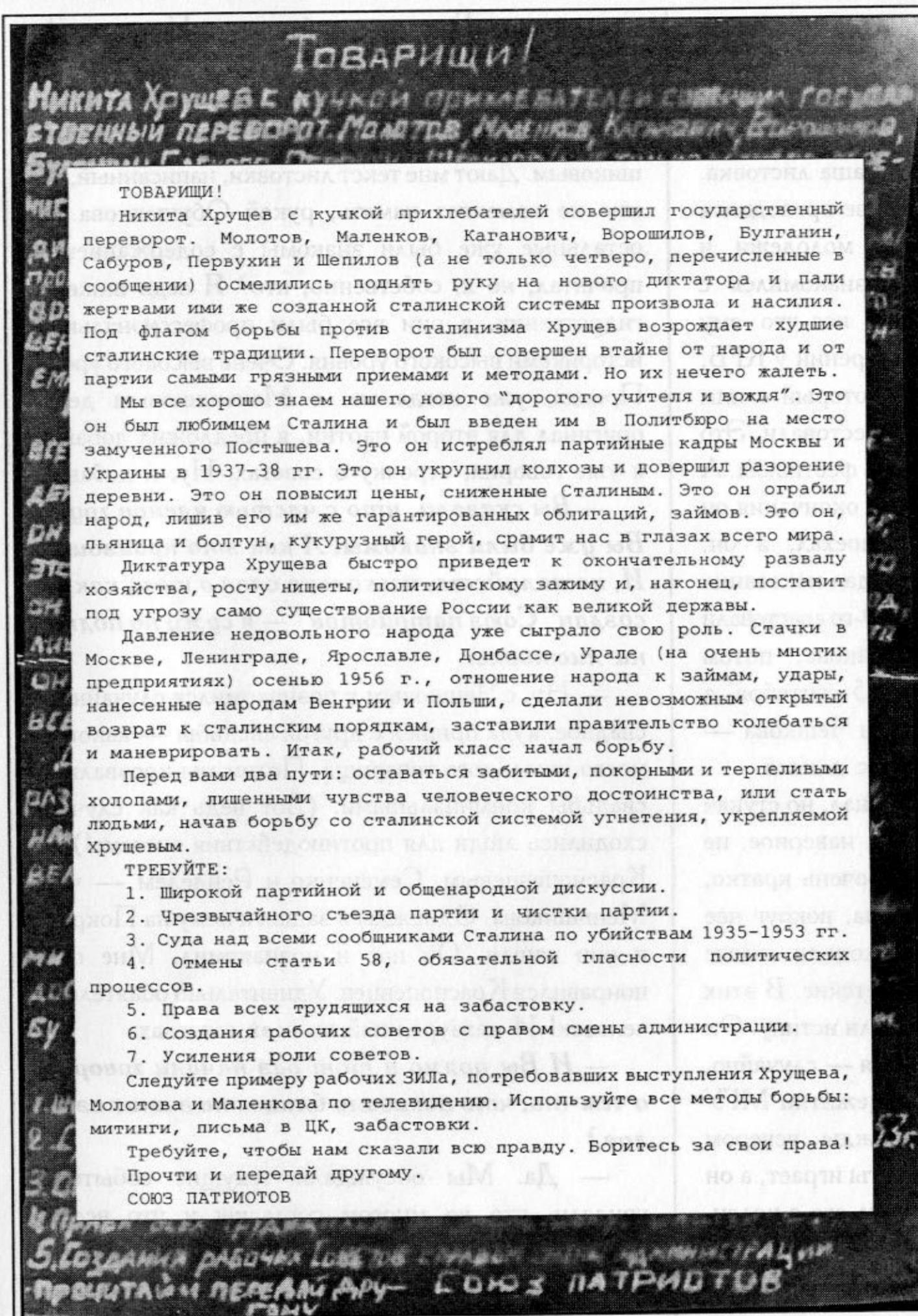
— Седьмой — Марат Чешков. Мы с ним одногодки, оба с 32-го. И работали одно время вместе на пилораме. Восьмой — Володя Меньшиков, мой товарищ еще со школы. Вот он. (фото 6) Девятый — Вадим Козовой, самый молодой из нас, — с 37-го года. Его фотографии у меня нет, но о нем мы особо поговорим.

Кстати, с пилорамой у меня памятный эпизод связан. Там есть такая деталь для зажима бревна, “рябухой” называется. А бревна идут разные, то толстое, то тонкое. Переднюю часть зажимешь, пока к задней бежишь, да со сломанным редуктором справишься — бить начинает. И вот однажды подходит ко мне слесарь, Гришка его звали, из поволжских немцев, и кричит: “Ну ты, жид вонючий!

Фото 1
Марк Соломонович Гольдман.

ФОТО ИЗ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Листовка "Союза патриотов".

ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

Я тебе сколько раз говорил — опускай "рябуху"! Я ему: "Ты что сказал? Повтори!" Он повторил. Я ему с левой к-а-а-к двину! Он отлетел, упал на конвейер, к счастью, тот стоял. Смотрю, он руками шарит. Ну, думаю, схватит сейчас железку и вмажет мне, лагерник он старый. А он, оказывается, шапку искал. Подхватил ее и ходу. Я стою, перевариваю, а тут подходит Никита Кривошеин — примечательная такая личность. Внук царского министра земледелия (продолжателя дела Столыпина), сын штабс-капитана белой армии, родился в 33-м, в Париже, полиглот,

В Москве, после лагеря, тоже увидеться не пришлось. А вскоре он эмигрировал во Францию, живет теперь на родине в Париже. Вот такая история...

— **Марк Соломонович, Вы обещали особо поговорить о Козовом.**

— Так вот, о Козовом. Как я уже упоминал, он был самым молодым из нас — студент 4 курса исторического факультета МГУ. Его отец возглавлял лекторскую группу Харьковского обкома КПСС. И во время июньского Пленума ЦК 1957 года, когда Хрущев своих противников растоптал, папаша был

знаток поэзии Бодлера, эстет. Подходит, вынимает изо рта трубку и говорит: "Нехорошо бить человека старше себя". — "А ты знаешь, за что я его ударил? Ты спроси!" Он спросил. "А за то, — говорю, — что он меня назвал так-то и так-то". А Никита в ответ: "Так ты мало ему дал!" Ну вот. Через полчаса была разборка у бригадира-бандеровца. Немецкая колония недели две не здоровалась. А потом так получилось, что я Никиту был вынужден ударить.

— **За что?**

— Да сложилась такая ситуация, что стали про нас сплетни распускать. Что, дескать, мы снохались с администрацией, стучим и т.д. и т.п. Пошли мы с Краснопевцевым поговорить с ними и решили, что если не получится по-хорошему, то придется дать пощечине. А заводилами там были Кривошеин и Фельдман из Киева. Приходим — сидят. "Давайте поговорим". — "Нам не о чем с вами разговаривать!" Переглянулись мы с Левой, и он Фельдману, а я Никите — хлоп! Да попал я как-то неудачно, кожу рассек. Мне его так жалко было... А потом он очень быстро освободился, я с ним даже помириться не успел.

в Москве. В гостиницу, вечером, к нему пришли приятели — члены ЦК — и стали рассказывать и обмениваться впечатлениями. А Вадим сидел в соседней комнате и все это записывал. Во многом, благодаря этой информации и появилась наша листовка. Это было в июне. А в августе в Москве проводился Первый международный фестиваль молодежи и студентов. На фестивале Вадим познакомился с англичанином Джолианом Уотсом и кое-что ему пересказывал. Этот Уотс был на подозрении у КГБ, и за ним следили. Ну, и Козового, который с ним часто общался, вскоре прихватили и арестовали. Это произошло 12 августа, в последний день фестиваля. А Вадим сказал ребятам, что сразу после окончания он поедет в Харьков. Ну, поехал и поехал, а он, оказывается, уже сидел. 26 августа он дал показания и наше дело, юридически, закрутилось. 30-го арестовали Краснопевцева, Ренделя и Меньшикова, потом остальных. Меня, например, забрали 5 сентября, а оформили арест 7-го. Последним взяли Чешкова — 12 сентября. Ровно месяц этот процесс длился.

Хотя Козовой рассказал все, что знал, но стукач при группе историков в МГУ был. И, наверное, не один. Но про одного мы знаем. Если очень кратко, то можно обрисовать так. Была группа, вокруг нее были студенческие кружки. В них ходили самые различные люди, не только университетские. В этих кружках они спорили, обсуждали, искали истину. Он тоже во всем этом участвовал. Раскрылся — случайно. Уже когда мы отбывали сроки, в общежитии МГУ произошло следующее. Сидят однажды вечером ребята в комнате, кто читает, кто в карты играет, а он перебирал чемодан и случайно столкнул его с колен. Ну, и вы знаете, как это бывает в таких случаях, почти инстинктивно все бросились помогать подбирать рассыпанное, и один поднимает красную книжечку. Открыли, а там — сексот такой-то, член какого-то там содействия и прочее. Кто-то из жен, приехав на свидание, передал эту информацию нам. Вот так было.

— Марк Соломонович, а почему именно Вам поручили размножить листовки?

— Да все очень просто. Коля Покровский, который занимался фотографией, в тот момент где-то отсутствовал, а остальные в этом деле ничего не понимали. А у меня был и фотоаппарат, и фотувеличитель, и прочие принадлежности. И вот однажды звонит мой школьный товарищ Меньшиков и говорит: "Хочешь узнать подробности июньского Пленума?"

— "Конечно, хочу". — "Тогда приходи". Встречу

назначили на Гоголевском бульваре. Прихожу. Там собрались: Рендель, Краснопевцев, Семененко — их я уже знал, Обушенков, Чешков — его я тоже знал, познакомились на одной свадьбе — ну, и мы с Меньшиковым. Дают мне текст листовки, написанный, если мне не изменяет память, рукой Обушенкова. Все остальные уже были знакомы с содержанием. Я прочитал, но я, собственно, кто? Я ведь инженер-гидротехник, а они все были профессиональными историками высокого уровня. Очень высокого уровня. Правда, уже когда мы с Меньшиковым делали оригинал для второй партии, я предложил добавить, я уже говорил, строчку о советах. Ну, и добавили.

— Вы сказали, что с частью членов группы Вы уже были знакомы. А как это произошло? И, пожалуйста, несколько слов о том, как был создан "Союз патриотов" — я сужу по подписи на листовке.

— Ну, с Чешковым я познакомился случайно, на свадьбе, куда пришел с другой свадьбы — какого-то моего школьного товарища. Потом мы прозвали эти свадьбы криминальными. (Вот ведь как случайно сходились люди для противодействия системе!) А с Краснопевцевым, Семененко и Ренделем — через Меньшикова. Однажды я зашел к нему на Покровку и они зашли. Он нас и познакомил. Мне очень понравился Краснопевцев. Удивительно обаятельный человек! И незаурядный во всех смыслах.

— И Вы прямо в тот раз начали говорить о чем-то, что показало близость ваших взглядов?

— Да. Мы обсуждали текущие события и увидели, что во многом согласны и что все мы настроены оппозиционно.

— Когда же состоялось это знакомство?

— В апреле 1957-го. Вскоре после этого я попал в Бутырки на 15 суток за драку с милицией. А они как раз в это время оформили организационно "Союз патриотов". Правда, это название не закрепилось, не успело. Ребята собирались в "дикой части Измайловского парка" — так в приговоре написано, — их было восемь человек. Стали обсуждать, и у восьми человек обнаружилось три направления! Впрочем, это, наверное, естественно: левое крыло, правое и центр. Уже очень противоречивы и сложны были общественные процессы в стране. Создали три тройки по разработке документов. Меньшиков, по-моему, вошел во все три. Я не помню, были ли зафиксированы на бумаге программа группы, устав и т.п. Первым практическим

Слева направо: Марк Гольдман, Леонид Рендель, Лев Краснопевцев, Михаил Семененко, Николай Обушенков, Николай Покровский.

ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

ФОТО 3

деянием была листовка по июньскому Пленуму. После нее мы встречались, чтобы подготовить вторую листовку, — к годовщине венгерских событий. Но, знаете, я часто говорил: "Ребята, скоро нас заберут". У Краснопевцева кандидатская диссертация была о московском вооруженном восстании 1905-го года. Он исключительно добросовестно проследил судьбы всех большевиков, которые принимали в нем участие. Почти все они потом сидели в сталинских лагерях и некоторые остались живы. Он посетил всех, кого смог. И знаете, что больше всего его поразило? Два момента. Во-первых, **все** оставшиеся в живых сохранили большевистские убеждения. И, во-вторых, ни одна большевистская ячейка не могла продержаться больше шести месяцев. Так работала охранка. Как только они выходили на реальные дела, их тут же прихватывали и сажали. А нам не то, что шесть... Мы в июне собирались, а 12 августа взяли первого. Два месяца...

— **Марк Соломонович, давайте вернемся к листовке, вот вы напечатали ее и...**

— Да, напечатали сначала 120 штук, распространили в разных местах, потом сделали еще 180 штук и всем составом поехали их распространять в Измайлово. Недалеко от метро там есть улица Первомайская. Мы пошли по улице, заходили во дворы, в подъезды, оставляли на подоконниках, кидали в почтовые ящики. А перед этим я все спрашивал: "Ребята, что будем делать, если нас будут хватать?" Они говорят: "А кто будет хватать?" — "Милиционер, или даже простой гражданин могут схватить". — "Ну, будем отбиваться". А я так про себя думаю: "Милиционер — понятно. Он меня хватает, и это мне грозит тюрьмой, так чего я буду ему поддаваться добровольно? Ну, а если

рядовой гражданин советский схватит, глупый, скажем, или просто верит, — чего я его лупить-то буду? Имею ли я моральное право бить, даже чтобы освободиться?" Я этот вопрос так для себя и до сих пор не решил...

— **Ну, а что было в действительности, хватали вас?**

— А в действительности получилось вот как. Захожу я на второй этаж, а Меньшиков остался на первом. Он там бросает по ящикам, а я здесь. И вот только я бросил листовку, как дверь распахнулась... Оказывается, в коридоре гости были, уже одевались, и, естественно, когда в их ящике что-то стукнуло, решили посмотреть. И я даже не по ступенькам — я на целый марш лестничный сразу сбежал, потом перепрыгнул второй, и мы как чесанули!

Ну, а потом знаете, что выяснилось? Наши листовки **сразу** были доставлены в КГБ. И **тут же** оперативную группу погнали к метро. И если бы они успели, то точно бы нас вычислили и прихватили. Уж больно мы не были похожи на забулдыг, собравшихся в рассуждении выпить. Но они опоздали буквально на 10 минут.

— **А как вы об этом узнали?**

— Ну, мы же помнили, когда уехали. А на следствии, по этому эпизоду — сопоставили.

— **Что было дальше?**

— Дальше мы скатились в метро и поехали. А Меньшиков — отчаянный и даже авантюрный мужик — говорит: "Сейчас я здесь брошу". На конечной станции все выходят, а он берет листовки и раскладывает по диванам. Поезд уползает в тоннель, затем возвращается к перрону на противоположной стороне. Публика входит, а там листовки лежат, ожидают... Это, конечно, было весьма безрассудно. Кстати, мы с Меньшиковым по пять штук оставили. Хотели раскидать по домам рядом с собой, чтобы потом поговорить с людьми, выяснить, как они относятся, как реагируют.

— **Но ведь это означает, что в вашей группе совершенно не соблюдалась конспирация!**

— Именно так! Это дело вообще на нуле было. Вы знаете, например, как попался Покровский? Когда пришли арестовывать Краснопевцева, именно в этот момент к нему явился Коля Покровский с материалами для изготовления гектографа. После первой листовки я сказал: "Ребята, размножение надо ставить на серьезную основу." И мы решили сделать гектограф, чтобы печатать много, без проблем и не бояться,

что узнают по почерку. Я почитал литературу, энциклопедии. И вот Коля принес, кажется, желатин и еще что-то, ну, его и прихватили. А те листовки, что остались у Меньшикова — нашли при обыске.

— А Ваши?

— Свои я успел уничтожить, так же, как и кальку с текстом листовки. Когда арестовали Меньшикова, а это было 30-го августа, его жена позвонила мне и я уже знал. Но все равно, произошло это — неожиданно. Задержали меня на работе, привезли домой и начался обыск, который длился семь часов, — в 12 начали, в 7 кончили. Должен сказать, что чутье у них потрясающее. Например, берет он простую белую бумажку — я ее подкладывал под фотобумагу, — оглядывает со всех сторон, чуть ли ненюхает и откладывает к себе, на изъятие. А ведь простая белая бумажка! Что он там на ней мог углядеть?

— Ну, а в итоге, нашли они что-либо, указывающее на Вашу связь с группой?

— Абсолютно ничего. Изъяли у меня фотоувеличитель, кое-какие личные бумаги, но никакого криминала найдено не было.

— А как же они Вас "привязали" к делу? Ведь Вы могли отказываться, как говорится, вглухую!

— А Козовой! Он ведь дал показания. Меня лично он не знал, но слышал фамилию и слышал, что я печатал листовки. Вначале я и начал отказываться, но буквально в тот же день был вынужден дать показания. Ну, видно же, что они абсолютно все знают. Кстати, когда меня привезли к следователю, первым делом мне показали Володьку. Открыли дверь, вижу, стоит в коридоре Меньшиков, поздоровались мы с ним, и дверь закрыли. И знали они, к моменту моего допроса, даже кто где — справа или слева — сидел, когда печатали листовки. Ведь девять же человек было! А знаете, что такое девять человек подельников? Даже если бы кто-то не сказал ни слова, информацией, полученной от других, его бы завалили и вынудили говорить, хотя бы о себе. А большего, собственно, им и не нужно было. В общем, когда я понял, что все известно, я тоже стал давать показания. К полному отрицанию этой системы мы еще готовы не были.

Потом следователи нам так сказали (а они, в целом, к нам неплохо относились, не зверствовали): "Ребята, вы в рубашках родились: на два года раньше — и вас всех перестреляли и даже бы не почесались". Вы помните ребят из воронежской молодежной

группы? Они сели где-то в 49-м или 48-м, так им же по полной катушке лупанули. А что они сделали? Практически ничего. А мы, все-таки, Хрущева задевали крепко в листовке. При Сталине за такое, конечно... Кстати, сам Хрущев, говорят, отнесся к нашему делу, так... снисходительно. А вот Фурцева прямо-таки рвала и металла. Но это все по слухам, разумеется.

— Сколько длилось следствие?

— Взяли нас в конце августа, начале сентября, а в декабре мы подписали 206-ю, значит четыре месяца. Январь мы ждали суда и в феврале 58-го — суд.

— А где все это время вас держали, в Бутырках?

— Нет, во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке. В наше время там еще была тюрьма, потом ее ликвидировали. Этот главный корпус, что выходит на площадь Дзержинского, он в форме буквы "О", и была еще перемычка по диаметру. Вот в этой перемычке и располагалась внутренняя тюрьма. Сидел я в ней до апреля 58-го, — семь месяцев. В основном, в одиночке, но бывали и коллеги, в общей сложности, четверо. Один был сыном высокопоставленного чиновника из МПС, звали его Германом. Хотел

Марк Гольдман. 1958 год.

ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

убежать в Финляндию. Дали ему семь лет. Сидели двое стариков-евреев. Один наш, из-под Николаева, а второй — австриец. У него очень примечательная и в то же время очень типичная судьба. Во время войны он чудом спасся от немцев. Чудом! Но когда Австрию заняли советские войска, спастись не удалось. Что-то он сказал не так, получил срок и 10 лет отбыл в Воркуте. Когда освободили, в Австрию не отпустили. Он стал ходить в израильское посольство, тогда оно еще было в Москве. Ну, и как обычно у нас, ах, ты ходишь в посольство — на тебе! Был он уже какой-то полуумнемый...

Сидел еще "вор в законе" Саня Куркин. Тогда почему-то много было воров, получивших 58-ю. У него сроков было на 96 лет! По тогдашним законам сроки не суммировались, а накладывались. Начал он с 10 лет. Мужик был тертый и отпетый, но, между прочим, хорошо играл в шахматы.

— Известно, что чекисты подсаживают "наседок"...

— Да мне ведь нечего было скрывать! У нас настолько все ясно было — Господи!

— Но они же должны были перепроверять Ваши показания.

— Да? Ну, не знаю... Австриец был почти сумасшедший. Второй старик относился ко мне нехорошо и почти со мной не общался. Правда, когда в лагере меня встретил, подошел, пожал руку, извинился и сказал: "Я не то о вас думал". Как я понимаю, он как раз и считал, что "наседкой" был я. Куркин? Вряд ли — не такой человек был, к тому же — недалекий. Герман? Парень он был, конечно, гнилой. Никаких идейных побуждений у него не было и в помине, лишь бы выпить и закусить в женском обществе. Так что не исключено, но маловероятно, потому что с ним мало общался я. В общем, я сомневаюсь насчет "наседки", кое-какое чутье у меня тогда уже было.

— Марк Соломонович, Вы семь месяцев отсидели на Лубянке. Расскажите об этом, пожалуйста. Какой там был режим, что, вообще, Вам запомнилось?

— Когда меня только посадили, в первый день, лежу я в полусне, слышу — кого-то тащат по коридору, и вроде бы начало крика, но — хоп! — рот заткнули, топот, топот — дальше потащили. Я снова задремал, и вдруг просыпаюсь — стоны! Явственные такие стоны: "А...а...а..." Я вскакиваю, и мысль у меня появилась, как в одном рассказе Горького на

сходную тему — разбежаться и головой в дверь, железом обитую, — ведь бьют же кого-то, избили, стонет... А потом прислушался — голуби по окну ходят и воркуют в истоме. Тьфу ты! Я с тех пор их не люблю ужасно, этих голубей...

Вот такое начало было. А вообще, режим был очень спокойный. Надзиратели не зверствовали. За все время я ни разу не слышал мата. Передачи — пожалуйста, раз в 10 дней. Кормили неплохо. Вполне можно было жить и без передач. Но я, правда, в еде неприхотлив. Был великолепный душ, с могучим напором, так что получался массаж типа "душа Шарко". Мыло у нас было свое...

Пожалуй, самое большое впечатление оставила библиотека. Какая там была блестящая библиотека! Потрясающая! Уникальная! Вы же знаете, каким образом она создавалась и пополнялась. Покровский — прирожденный библиофил, так он просто таял от этих книг. 17-я страница была заштампovана печатями сплошь: ЧК, ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ — вся история карательных органов. Правда, при нас, за семь месяцев, список два раза уполнивали. Я там многое с интересом прочел...

Еще я там много спортом занимался. В основном, качал силу. Возьмешь табуретку за ножку и начинаешь качать. Отжимался от пола. 100-120 раз. "Пистолетик" делал, помню, 56 раз! А сейчас, может быть, 5 осилю. А когда выводили на прогулку — это полчаса — я бегал по кругу, приседал, отжимался. Иногда играл сам с собой в футбол какой-нибудь ледышкой. Кстати, прогулочные дворики были сделаны на крыше. Однажды махнул ногой, а ботинки в тюрьме, сами знаете, без шнурков, едва держатся, ну, он и соскочил, перелетел через стену и вниз с восьмого этажа ухнулся. Прибежал сержант, расшумелся: "Нарушение режима!" Я ему: "А кто мне запретит ногой махать? И вообще, что я, нарочно, что ли?! Чего шуметь, какие проблемы?" — "А если генералу на голову упал твой ботинок?" И смех и грех! Сбегали они, нашли — он приземлился на какой-то козырек — принесли...

Я попросил передать учебник английского языка. Мать принесла, и я стал потихоньку учить. А начальник тюрьмы говорит: "Что это вы все здесь за английский хватаетесь?! Уж обкакались, так и сидите." Вот так они оценивали... Не все, конечно. Один надзиратель очень сочувствовал все время. Хотя он у них там каким-то парторгом был. Однажды слышим, как он с кем-то спорит, и так, между прочим, поливает колхозы —шибче нас. Видимо, сам был из

села, и знал что это за дрянь такая. Когда нас осудили, он меня спросил: "Сколько?" — "Шесть лет". Он руками всплеснул: "Боже мой, — шесть лет! За что? За бумажку..."

В общем, никаких особых негативных воспоминаний у меня от тюрьмы не осталось. Все нормально было.

— А о суде?

— Суд вспоминается как символ системы. Помню, что адвокаты у нас были какие-то беспомощные и жалкие, — просили о снисхождении и все, хотя иногда и пытались изображать некое сопротивление обвинению. А мой, к тому же, умудрился дважды получить за проведение дела: с коллегии и с матери. С деньгами, правда, нам всем помогли. Я знаю, что профессура в МГУ кое-что дала, и другие тоже.

— А потом был лагерь...

— Да, мордовская тьмутаракань... Яvas, Сосновка, Барашево, Потьма... Нас часто "тасовали". За шесть лет я побывал в семи лагерях. Считайте: Потьма — лагерь при пересыльной тюрьме № 398/18 — раз; Яvas — 104-398/11 — два; Сосновка — 398/7-1 — три; Барашево — 398/3, больничный лагерь — четыре; Лесной — 398/17 — пять; опять Сосновка — 398/7 — шесть. И снова Потьма — лагерная пересылка — седьмой.

Когда нас привезли, в тот момент некая либеральная атмосфера была в этой системе — остатки хрущевской оттепели. Например, нас не стригли. Я все время после ареста был со своей прической и подстригся уже в зоне, когда сам захотел. В лагере была коммерческая(!) столовая. Заключенных снимали с гарантийного питания — это 12 рублей в месяц, — и они заказывали себе еду в столовой на неделю вперед. Стоило это, конечно, дороже, рублей 20-25, зато там были даже шницели. Правда, деньги, которые присыпали с воли, использовать запрещали, — только те, что заработаешь. Видимо, таким образом пытались заставить лучше трудиться. (Однако, эта система быстро кончилась, в том же 58-ом году). Фотографии, которые вы видели, делал лагерный фотограф. И, насколько я помню, мы ничего за них не платили. А сколько мы занимались спортом! Во что только не играли! Считайте: хоккей — полурусский-полуканадский, футбол, баскетбол — великолепный баскетбол! (Прибалтов же было — тьма. Мы только раз у них выиграли. Мы — это русскоязычная сборная, так скажем. От нас играли я и Меньшиков.) Дальше — волейбол (но тут уж мы прибалтов несли!), настольный теннис, штанга, гири, шахматы... что еще? Пожалуй, все.

— Знаете, по-моему, и этого с избытком хватит. И что же администрация, поощряла?

— Она не препятствовала. Кстати, недавно я побывал, в качестве журналиста, в лагере, где сидел во второй раз. Так там — изумительные спортивные городки! Чего только нет, даже боксерские мешки. Занимайся — не хочу! В мои годы этого не было... Мы многое своими руками делали. Помню, как я добывал и резал резину для эспандера, как гантели сотворял... (Правда, держать их в жилой зоне нам не разрешали, как бы чего не вышло). Ребята построили такой турник — на высшем уровне! Но когда я журналистом посетил лагерь, турника этого не увидел. Зато была молельная комната. Но, конечно же, не надо забывать, что лагерь был политический. Говорят, уголовные лагеря, и особенно "дальнюки" — Север и Сибирь, были неизмеримо хуже.

— Марк Соломонович, многие сидевшие рассказывают, что прямо по прибытии, первым делом лагерный "кум" предлагал сотрудничать. У Вас это было?

— Нет. Ни по прибытии, ни после. Пожалуй, у меня было даже наоборот. Было вот что. Однажды, прямо с футбольного поля, в трусах, вызывает меня старший лейтенант Агафонов, правда, он не виноват был, это мент посыльный перестарался.

— А кто такой Агафонов, "кум"?

— Нет. "Кум" — это МВД, а этот был из КГБ — опер. Деликатно так спрашивает: "Что вы писали? Куда писали?" и т.д. А мы писали в ЦК партии и ВЛКСМ, что нельзя сажать в такие лагеря молодежь. Наивно, конечно. Хотя, не совсем и наивно, ведь мы же верили тогда. Мы тогда не понимали до конца, что эта система не поддается реформированию. Ни партия, ни система. А он, — Агафонов, по его словам — тоже, оказывается, писал об этом наверх. О том, что нельзя этих людей сажать, нельзя! Ведь это — инакомыслящие, с которыми надо бороться не лагерями... Вот такой у меня был контакт с опером, до сих пор я этого Агафона помню...

Но такой опер, это, конечно, исключение, после него появился некто Постников. Вызывает меня. Я пришел. Он сидит, я стою. "Так, за что сидите?" — "Да ни за что." — "У нас ни за что не сидят." — "Тогда, — отвечаю, — мне с вами разговаривать не о чем. До свидания." Развернулся, вышел, и больше я к нему не заходил.

А с другим опером, Макаровым, такой случай произошел. В декабре, на день чекиста, награждали

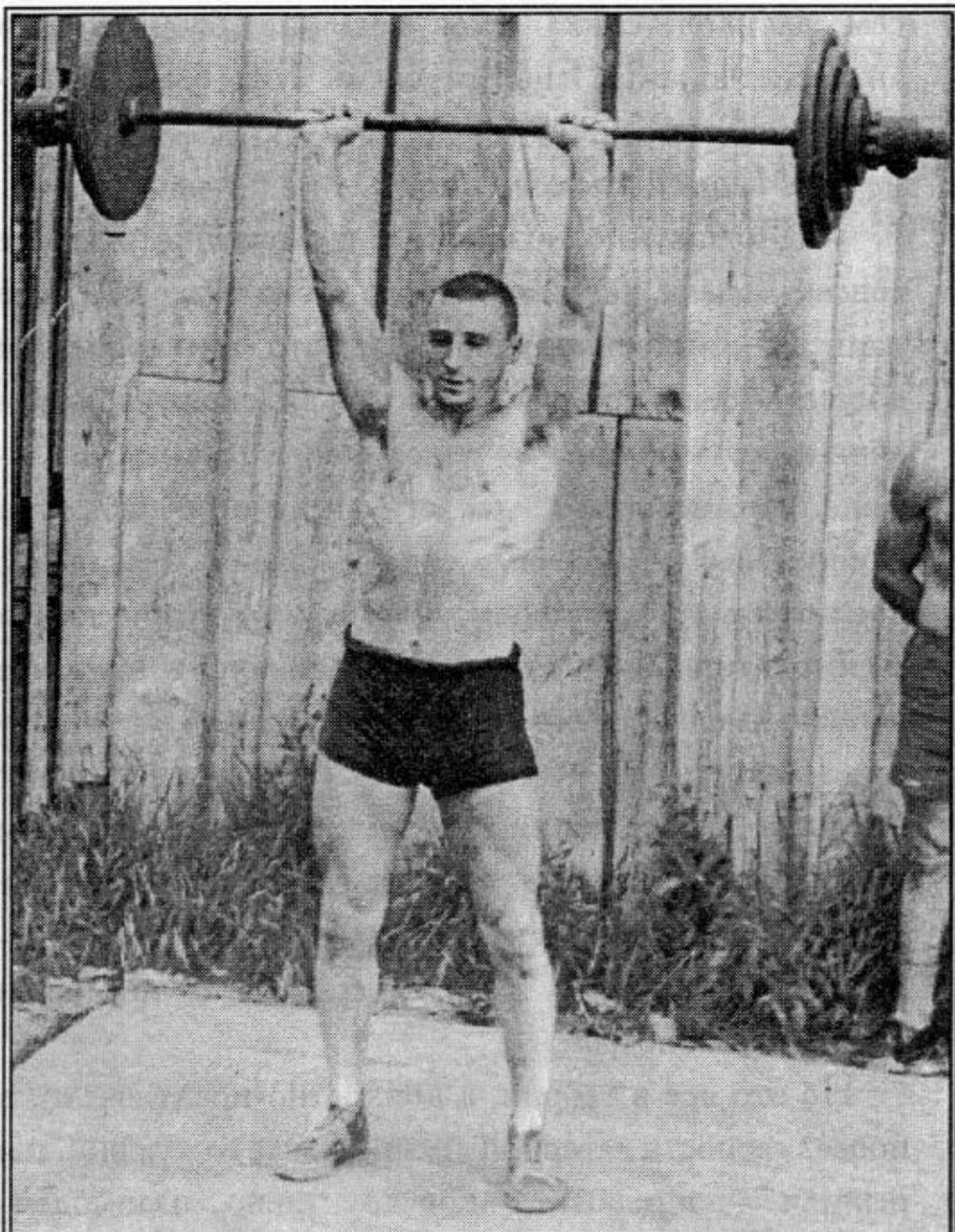

ФОТО 5
Поддержание спортивной формы в лагере.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

его какой-то грамотой, то ли юбилей у него был, то ли еще что. В общем, его в клубе награждают, а в это время несколько человек уходят через подкоп в побег. Их, правда, сразу похватали — выход был слишком близко от зоны, наряд шел и увидел на снегу черную дыру. Сразу тревога — и всех накрыли. Но сам факт! Его там награждают, а в это время побег, да какой! Весь лагерь хохотал и злорадствовал.

Этот Макаров меня страшно ненавидел. У меня с ним такое было дело. Я написал письмо матери, в котором высказал мысль, что, выйдя из лагеря, мы окажемся в роли героев Олдингтона. Ну, знаете, потерянное поколение — Хемингуэй, Ремарк. Герой, конечно, в кавычках, какой там герой?! Цензор меня вызывает: "Что, героем себя считаешь?" Я говорю: "Да вы читайте, что там написано-то — герой Олдингтона! Вы Олдингтона хоть читали?" — "Не читал." — "Ну, и не хрена тогда ерундой заниматься. Цензор тоже мне нашелся..." Тогда вызывает Макаров: "Че вы хотите, Гольдман?" Я говорю: "Да я хочу малого... Я хочу, чтобы все — и вы, и я — выполняли советские законы." (Несколько демагогичное, как я сейчас понимаю, заявление). Он

вскинулся: "Никогда этого не будет!!!" Ну, что ты с таким опером будешь делать?

— **Марк Соломонович, вот вы писали в разные инстанции. Вы всерьез надеялись донести свои идеи?**

— Писали мы всерьез. Вся наша конструктивная критика была изложена в этих письмах. А потом мы начали борьбу за пересмотр нашего дела. Мы потребовали переследствия и отказались от своих показаний. То есть факты мы признавали, но их оценку — отвергали. Нам ответили, что оснований для пересмотра дела нет. Тогда мы отказались работать. Нас тут же в — "барак усиленного режима" (БУР) на пять суток. Мы объявили голодовку, вшестером, — Обушенков отказался — и 24 дня голодали. На 7-е сутки нас первый раз насильно накормили — я, правда, отбился, на 12-е — второй, на 18-е — третий.

Когда они первый раз пришли кормить, мы все сцепились локоть за локоть. Они давай нас растаскивать, все злые, потные. Правда, ни они нас не били, ни мы их. Мы так договорились заранее — сопротивляться пассивно. Единственный, Коля Покровский не удержался, вышел все-таки из себя. Мы с ним вдвоем остались, последние. Его от меня отдирают, а он их ногой пинает: "Фашисты! Фашисты!.." — хотя чрезвычайно был интеллигентный и мягкий человек.

Меня оторвали от Коли, повалили на пол, двое руки держат, двое ноги, а на грудь уселся надзиратель по фамилии Швед, бугай такой, килограммов под 120. А кормить должен был фельдшер из заключенных, литовец. Он шприц двухсотграммовый, заправленный жидким супчиком, ко рту подносит и так деликатно им шевелит. Я, естественно, не беру, ну, и он, естественно, не хочет меня насиловать. Зачем ему? Швед говорит: "Дай сюда!" Схватил шприц, наставил и как всей своей тушей навалится! Чувствую — сейчас зубы вылетят, раздвинул челюсти, и он суп в рот выдавил, сколько поместилось. Но я помню хорошо, что ничего не проглотил. После этого мне все-таки как-то удалось вырвать руки и я толкнул Шведа. Он упал мне на ноги, я приподнялся и весь этот суп прямо ему в рожу — фррр! И при этом крикнул странную фразу, мы потом над ней долго смеялись. "Швед! — кричу, — не этому меня десять лет в комсомоле учили!" (А я действительно ровно десять лет в комсомоле состоял.) Вот какие шутки подсознание выкидывает...

На 12-й день они применили другой метод. Посадят на стул, привяжут руки и ноги, а затем

задерут голову и вливают шприцом воду со сгущенным молоком. На 18-й день меня второй раз накормили. С 20-го стали кормить каждый день, а с 22-го — по два раза. Тут приехала жена Краснопевцева — Люба, и передала нам записку: "Ребята, вы свое дело сделали. Мне обещана встреча с Хрущевым". Майор Лапшин, гебист, — он записку передал — собрал нас в одной камере. Сидим, друг на друга смотрим, чувствуем — надо кончать. Но я, все-таки, сказал — давайте до 30-ти дней, ровно месяц. А мне все глазами на Ренделя показывают. Он при росте 185 см весил 56 кг. До голодовки! Конечно же, он первый умрет. В общем, поговорили мы вечером, а на утро написали, что голодовку снимаем, и нас вывели в зону. Я похудел на 17 кг. Было 79, а стало — 62. Покровский потерял 12 кг. А Ренделя мы даже взвешивать не стали, страшно было. Лапшин позволил Любе купить яиц немного и передать нам. А на третий день нас погнали на работу. Начальник медсанчасти был такой садист. Мы воспротивились, стали писать заявления... В общем, кажется, неделю, или чуть больше, нас не трогали. Но, конечно же, восстановиться полностью никто не успел. После голодовки нас увезли на "тройку", в Барашево.

— А Любे дали встречу с Хрущевым?

— Нет, что вы! Совсем недавно я спросил ее об этом. А она говорит: "А я и не помню". То ли ее обманули, то ли она обманула нас...

— Что же было потом?

— После голодовки с нас сняли все взыскания.

Всем шестерым. У меня было много взысканий, и БУР, и прочее.

— Почему?

— Не знаю.

Ну, вот как бы... некий шаг навстречу, что ли. Некоторые в лагере восприняли это так, что нас хотят освободить. Голодали-то мы за пересмотр дела. И действительно, зачем им было держать людей, в общем-то, не сов-

сем антисоветских? Мы ведь не были ярыми антисоветчиками! Еще не были! Мы были конструктивной оппозицией.

— Марксистского толка?

— Пожалуй, однозначно так сказать нельзя. Не совсем... Лева, например, на одном из трудов Ленина написал собственноручно: "За это в порядочном обществе бьют морду!" То есть он видел, конечно, все ленинские гнусности — видел, да и марксистские — тоже. Но, все-таки, идеология ведь не шапка. Это шапку снял — повесил, снял — надел. Нас долго воспитывали... В общем, мы были критической и конструктивной оппозицией и склонялись к тому, что капитализм частично надо возвращать. По рынку тоже были мысли... Сейчас я не могу точно дать ответ по нашим тогдашним экономическим оценкам и программам. Лично я был далек от этого, ибо не обладал достаточными знаниями. Но ребята разрабатывали эту тему вполне серьезно. У них были труды по экономике.

Но это все в теории, а конкретно-практически, в повседневности лагерной жизни, после голодовки, мы решили попробовать конструктивно взаимодействовать с администрацией. Конечно, они люди подневольные и пойти против системы не могли, но... все-таки! Когда заключенный уходит в конfrontацию, тем более, глухую, администрация воспринимает это как вызов и почти рефлекторно ожесточается в ответ. А что если вести себя сдержанно, ни на йоту не отходя от своих нравственных позиций, но доброжелательно. Если сказать другими словами, мы решили смягчить ежедневные тактические отношения с нашими стражами всех уровней. (Кстати, сейчас я держусь такой позиции относительно администрации города Липецка, где я живу. Потому что, если человека все время свиньей называть, рано или поздно он непременно хрюкать начнет).

Когда нас перевели в Барашево, мы там вошли в совет колLECTива. Лева был председателем, я отвечал за физкультуру, Коля Покровский стал библиотекарем, ну, и так далее, остальных уже и не помню. (Вошли все, за исключением Козового, Обушенкова и Чешкова). Мы, в общем-то, исповедывали две вещи. Первое, люди в лагере не должны терять человеческий облик. И второе, — нужно работать. Разумеется, не надрываться, не тянуть из себя жилы во имя исполнения их идиотских норм, но — работать. Вы знаете, когда выходишь заготавливать дрова без нормы, для себя же, и видишь, как все

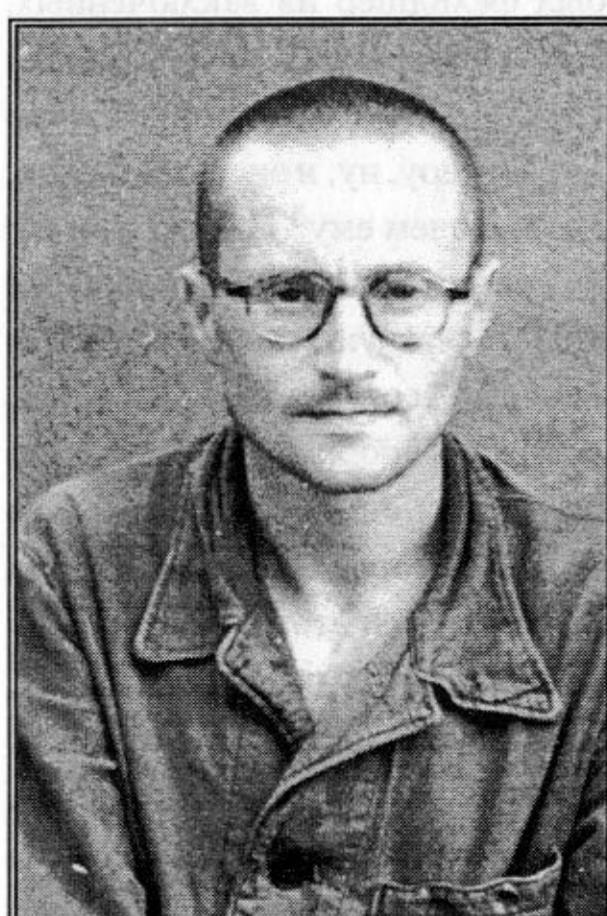
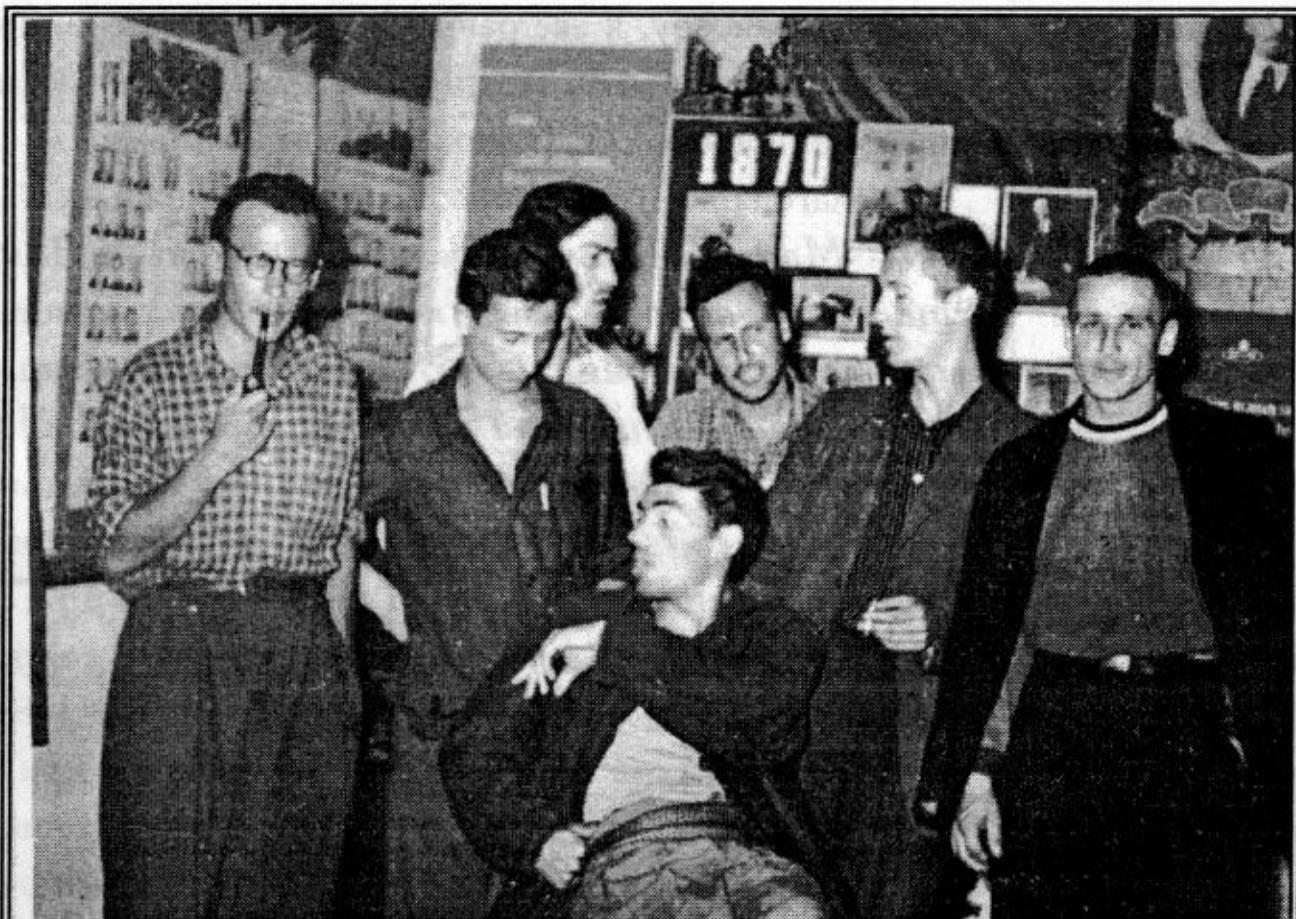

Фото 6
Владимир Меньшиков в лагере.
1959 год.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

Первый слева — Фельдман, третий — Кривошеин; первый справа — Марк Гольдман.

ФОТО ИЗ АРХИВА М. ГОЛЬДМАНА

разбегаются по курилкам и теплушкам гонять чаи... — очень нехорошие чувства возникают. Но мы были категорически против того, чтобы людей наказывали за отказ от работы. Сплошь и рядом человек отказывался потому, что данный, конкретный тип работы просто не стыковался с ним по каким-то психическим или физическим причинам. Поэтому мы всегда просили — подберите подходящую работу. И если это происходило, обычно человек начинал нормально трудиться.

Мы вышли из совета ровно через три месяца. Трех месяцев хватило, чтобы понять: эти люди и стоящая за ними система — неисправимы! Они восприняли нашу добрую волю как некий рычаг, чтобы заставлять нас делать то, что мы не хотим. Но ведь это, в конце концов, — **наша** добрая воля! И вот мы вышли и объявили голодовку в знак протеста. Правда, вчетвером: Покровский и Семененко отказались. Проголодали мы семь дней. После этой попытки нас и стали вновь обвинять и распускать про нас сплетни...

Сейчас в демокругах существует твердая аксиома: компартии всех направлений не могут самореформироваться. Мы это поняли в лагере на собственной шкуре.

— Вам предлагали написать просьбу о помиловании?

— Да, это было. И не только мне. Всем предлагали: пишите и поедете домой. И трое этим воспользовались.

— Кто же?

— Козовой, Чешков и Семененко.

У них было по 8 лет. Они написали и вышли досрочно, в октябре 1963. И Чешкова даже сразу прописали в Москве. Все остальные отсидели от звонка до звонка. Правда, в июне 67-го, за три месяца до окончания срока, десятилетники Краснопевцев и Меньшиков тоже написали. (Рендель не стал). Так им — отказали! У них все время что-то менялось, то обострение, то отмягчение: сегодня — так, завтра уже не нужно. Однако, для политических все время режим ухудшали. Пришли мы на "общий", ушли с "усиленного". При нас была отменена система зачетов. Например, у меня было сотни полторы (кстати, столько же, сколько суток штрафного изолятора — ШИЗО) — пропали...

— Удовлетворение прошения о помиловании было связано с какими-либо условиями со стороны КГБ, как Вы думаете?

— Представления не имею! Сложное это явление... Конечно, они всегда пытались нас ломать. Покровскому, например, предложили написать помилование уже после лагеря. Зачем-то им это понадобилось. Ему намекнули: напиши, тогда пропишем в Москве. Он отказался. Нас все время ущемляли, хотя в приговоре не было ни ссылки, ни поражения в правах. К примеру, Рендель восемь лет скитался по России, его не пускали в Москву. Прописали только в 75-ом. Кстати, именно Рендель в конце 88-го написал заявление о реабилитации. Один боролся. Мы все не верили. И вот как получилось — 29 апреля 89-го года Леня умер, а 4 мая нас реабилитировали. Не дожил всего пять дней.

— Марк Соломонович, хочу Вас спросить обобщающе. Что, в целом, был лагерь для Вашей судьбы?

— Конечно, шесть лет без свободы, вы сами понимаете... Никому не пожелаю. И после освобождения нас не оставляли в покое. Всех. Особенно Ренделя, я об этом уже говорил. Например, меня не пустили обратно в Москву, пришлось осесть в Липецке. (Хотя, по правде говоря, я не уверен, что я чего-либо добился бы в столице, — не такой я человек.) Были и на работе, по линии ГБ, всякие истории. Не пускали в командировки в определенные

города, проверяли. Один раз вообще удивительный был случай. Я поехал отдыхать в Лапландский заповедник, это на Кольском полуострове. И там при странных обстоятельствах мне сообщили, что по всей области идет розыск Арка (!) Соломоновича Гольдмана, который движется в сторону государственной границы с оружием. Пришлось ехать "сдаваться" к пограничникам, выяснить отношения. Испортили отпуск. До сей поры не пойму, зачем им понадобилась эта провокация?!

И все же, мне лагерь и очень многое дал. В первую очередь, я считаю немаловажным, что он очень много дал мне в смысле здоровья. Скромная, нежирная пища, много физического труда, много спорта, в общем, из лагеря я вышел в очень хорошей форме.

Очень много я встретил интересных людей, с богатыми биографиями. Я страстный любитель военной истории и там имел возможность расспрашивать живых участников войны, причем, с обеих сторон. Я очень многое перенес и пришел к выводу, что нашу официальную историю второй мировой войны можно выкинуть на помойку. Разумеется, не всю, но в подавляющей части. Настолько все извращено!

Шесть лет, бок о бок, я пробыл со своими ребятами. А знаете, какие это были высокоинтеллектуальные люди! Я очень многому у них научился. Это даже трудно оценить. В итоге, я избавился — и окончательно! — от того, во что верило большинство советских людей, то есть от всепроникающего мифа "самого передового и единственно верного учения..." Это избавление я считаю огромным благом.

В лагере я много читал, и по выходе во мне сформировался некий механизм оценки событий жизни, и настоящих, и прошлых, а также, как оно ни скромно, умение предвидеть будущее.

В общем, много хорошего пришло ко мне в лагере. Я себя могу упрекнуть только в трех вещах: первое, — надо было еще больше заниматься спортом, второе, — надо было, конечно, выбрать себе одну профессию и вести профессиональную подготовку, и третье, — надо было английский выучить, как, например, мой земляк Володя Темников, с улицы Володарского. Он за пять лет так изучил язык, что стал одним из самых модных переводчиков в Москве...

Недавно, кстати, исполнилось ровно 39 лет со дня моего ареста. Взяли мы с Меньшиковым бутылку и поехали к Краснопевцову. Выпили, и я им сказал, что очень благодарен всем ребятам за то, что они мне поверили и привлекли к своему делу. Потому что, по

своему характеру, я все равно бы попал в лагерь, но уж точно не в такую мощную интеллектуальную и информационную среду, как с моими ребятами.

Я благодарю судьбу за то, что так все сложилось...

— *Марк Соломонович, у меня есть к Вам еще один вопрос. Вы, конечно, понимаете, что, готовясь к интервью, я постарался ознакомиться с материалами по вашей группе. Не скрою, меня буквально ошарашила статья Краснопевцева, напечатанная в межлагерной многотиражной газете "За отличный труд". Как Вы помните, это произошло в 1967 году, незадолго до его освобождения. Я ощущал ее смысл, как отказ от идеалов, которые и привели Льва Николаевича в мордовский лагерь. Потом по поводу этой статьи было открытое письмо Ренделя в газету "Унита", не знаю, опубликованное ли, его же попытки напечатать ответ на нее в многотиражке и издевательский ответ редактора-чекиста... Мне бы хотелось спросить Вас, непосредственного участника событий, что думаете Вы об этой статье и о том, что накрутилось потом вокруг нее?*

— Знаете, я ждал этого вопроса. Вы не могли его не задать... Проверьте, он мучает и преследует меня более тридцати лет. Наверное, и дальше будет мучить... Здесь замешаны столь тонкие нюансы взаимоотношений людей, что как бы я не старался, как мне кажется, максимально объективно и точно объяснить их, все равно это будет **около** истины...

Кое-что о трениях внутри нашей группы я Вам говорил. Мы живые люди, ничто человеческое нам не чуждо, в том числе и слабости, и глупости разного рода. Но есть нечто главное. Мне кажется, вопрос о статье нельзя отделять от вопроса о помиловании. По всей видимости, статья, как обязательная, шла в паре с прошением о помиловании (мы-то знаем чекистско-большевистское изуверство). Вы помните, я говорил Вам, что они все время пытались ломать нас, вели свою игру, выискивали малейшие зацепочки в наших биографиях и характерах для нажима... Как они нажимали на Льва? Может быть, двумя престарелыми и больными родителями? Или дочерью, 10 лет жившей без отца? Или еще как-то? Не знаю... Чем была эта статья для Льва — последней вспышкой подкоркового большевизма, от которого мы все тогда еще не могли полностью избавиться? Еще одной попыткой апробирования режима вроде нашего хождения в совет коллектива? Слабостью и компромиссом в

чистом виде? Кто ответит? Статью они получили. Прошение тоже — за три месяца до конца срока. И отказали! А статью все-таки тиснули...

...Я уверен в одном — подлости не было! Я знаю — стыдится он и прошения, и статьи, также как я стыжусь своей кассационной жалобы, такой противной, такой слюнявой! Краснопевцов прожил достойную жизнь, дай бог так прожить каждому россиянину. Он опередил свое время, и намного. Вы читали его реферат "Основные моменты русского революционного движения"? В свое время чекисты всю Москву перевернули, разыскивая копии. Серьезный историк, специалист высочайшей квалификации говорил мне, что если бы он прочел этот труд двадцать лет назад, это избавило бы его от целого десятилетия мучительных поисков. Это к тому, что реально остается после нас на этой земле.

Липецк
С Марком Гольдманом беседовал
Сергей Романов

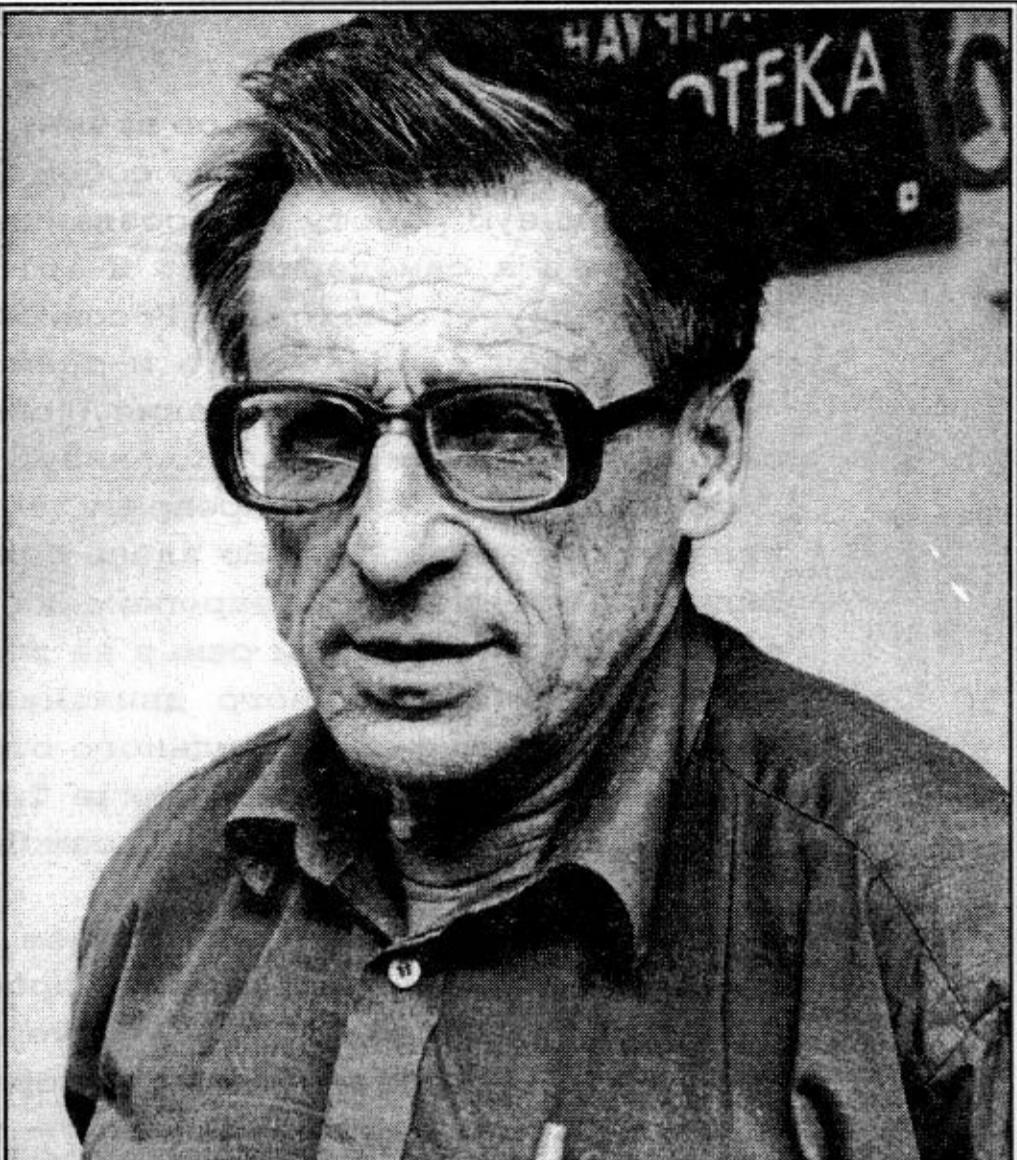
Лев КРАСНОПЕВЦЕВ

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 1861-1905 ГОДАХ

Реформы 60-х годов, их причины и характер*

Исходной точкой всего европейского развития России несомненно являлись реформы Петра I. Но в этих преобразованиях — причина и многих последующих несчастий России. Петр завершил создание русского самодержавия и придал ему его классическую форму. Это был не с неба упавший переворот и ломка старого, это был итог всего прошлого развития России. Значительная экономическая отсталость России и слабость элементов товарно-капиталистического развития при подавляющем преобладании феодальной экономики; как следствие этого — раздробленность, инертность, пассивность и неспособность ни к чему, кроме слепого разрушения, у народа. Азиатская дикость и полная неспособность договариваться друг с другом у феодалов и средних городских слоев — вот что породило русское самодержавие. Основные классы русского общества — крестьянство и феодалы — просто не могли в силу своей дикости и отсталости быть субъектами исторического прогресса, а могли быть только его объектами. Это проявилось

* Первая глава рукописи

Марк Соломонович Гольдман. 1997 г.
ФОТО С. РОМАНОВА

17-18

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ВЛАСТЬ И ЕДИНИЦА